

Андрей Юрьевич КЛЮЧНИКОВ¹

УДК 341.645

ВЫЯВЛЕНИЕ АКТИВИЗМА В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫХ ПОДХОДАХ СУДЕЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

¹ кандидат юридических наук,
судья Правобережного районного суда города Липецка;
доцент кафедры конституционного и международного права,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы (Липецкий филиал)
andrew19871961@mail.ru

Аннотация

Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) — уникальный институт не только в масштабах Европы, но и всего мира, безусловно, самый эффективный из всех международных судов по правам человека. С момента своего основания в 1959 г. он принял огромное количество решений, что делает его самым активным участником международного правосудия. Успех индивидуального обжалования, на котором основана вся конвенционная система, неизбежно привел к вовлечению в предмет исследования суда всё новых сфер, касающихся прав человека, и распространил ее на новый круг субъектов. Планомерное расширение Судом области (границ) защиты прав человека и основных свобод, а также вовлечение в нее новых сфер за счет прогрессивного характера практики является его положительным качеством. Богатая и разнообразная Страсбургская практика изменила политический и правовой ландшафт Европы. Это привело к тому, что ЕСПЧ стал жертвой собственного успеха, в ряде случаев вторгаясь в суверенные полномочия государств и затрагивая их конституционную идентичность. В среде практиков и исследователей проблем международного правосудия всё чаще стали появляться голоса о чрезмерном активизме Суда.

Цитирование: Ключников А. Ю. Выявление активизма в правоприменительных подходах судей Европейского суда по правам человека / А. Ю. Ключников // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Том 6. № 1 (21). С. 129-139.
DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-1-129-139

Автор данной статьи поставил целью изучить факторы, способствующие проявлению судьями ЕСПЧ активистских позиций, выявить формы активизма, разграничить их с судебским пассивизмом. Материалом для статьи послужили работы видных исследователей проблем международного правосудия, судей ЕСПЧ, отечественных авторов, судебная практика данного наднационального суда. Автор применяет традиционные методы исследования — общенаучные и специальные, с акцентом на сравнительно-правовой метод. Предметом исследования послужили авторские научные концепции, выявляющие судебный активизм, через прецедентную практику ЕСПЧ. Актуальность работы обусловлена проблемой использования практики наднациональных судов в отечественном правосудии, эффективного применения вырабатываемых стандартов.

Ключевые слова

Европейский суд по правам человека, ЕСПЧ, активизм, пассивизм, судебная практика, прецедент, национальный суд, правоприменение, юрисдикция.

DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-1-129-139

Введение

В доктрине динамичное воздействие судей Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) на различные области защиты прав человека ознаменовало утверждение теории т. н. судебного активизма (judicial activism) [7, с. 80]. Активизм обусловлен стоящими перед судом задачами, а значит его легитимностью, и по мере расширения практики стал его характерной чертой. Особенностью деятельности ЕСПЧ стал т. н. чрезмерный судебский активизм как крайняя его форма, который рассматривается как угроза всей системе международного права. Но предметом для критики выступают не только активистские позиции судей ЕСПЧ в разных его формах, но и пассивистские подходы (judicial restraint) [4, с. 45-46]. Этот парадокс требует исследования, прежде всего, через определение понятий «активизм» и «пассивизм» в деятельности Страсбургского суда.

Основная часть

Определение судебного активизма объективно осложнено ввиду существования термина в национальном и международном праве и разного его наполнения [6, с. 90]. Считается, что судьи национальных судов проявляют активистские позиции, когда решение не в полной мере основано на национальной Конституции или нормах права. Здесь оно является результатом чрезмерного субъективного влияния судьи на фактический состав дела и его правовую квалификацию [8, с. 31-32]. В особом мнении к постановлению Конституционного Суда РФ от 27.03.2012 № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона „О международных договорах Российской Федерации“ в связи с жалобой гражданина И. Д. Ушакова» судья Г. А. Гаджиев определил место судебного активизма на границе с правотворчеством, допускаемым исключительно в кризисных ситуациях, которые требуют максимально быстрого

решения особенно острых государственных задач. Такие экстраординарные ситуации иллюстрируются экономическими депрессиями, стагнацией или усиливающейся борьбой с терроризмом. В целом для судей национальных судов свойственен умеренный активизм ввиду характерного для системы национального права многоступенчатого инстанционного контроля итоговых решений, что позволяет достигать требуемый баланс.

В международном правосудии только в последние годы стала появляться апелляционная инстанция. Контрольный механизм ограничен возможностью однократного обжалования решения по основаниям, весьма ограниченным учредительными документами (правилами процедуры) суда (дело «Груйич против Сербии» 2018 г.). Отсюда следует вывод о большей свободе усмотрения международного судьи при принятии решений по существу. Сформированная практика сводится к принятию одной из правоприменительных основ — концепции связанного решения или свободного решения.

Согласно первой концепции, судебное решение должно в полной мере определяться содержанием правовых норм и действующего позитивного права. Судья не может корректировать законы, тем более их создавать. Значит, в основе его деятельности должны превалировать сдержанные подходы, т. е. судейский пассивизм.

Согласно второй концепции, из-за неоднозначности, противоречий и неполноты норм права его формирование не происходит механически, в связи с чем судья выявляет право в процессе принятия решения, тем самым его создает (судейский активизм) [5, с. 140].

Активистская концепция предполагает, что судья при принятии решения учитывает как юридические, так и внеправовые (например, политические) факторы. Стандарт аргументированного и обоснованного решения определяется его соответствием требованиям справедливости, рациональности. Когда для принятия такого решения норм международного права недостаточно, судья может корректировать действующее позитивное право, направить практику его применения в нужное русло, отказаться от устаревших правил и даже установить новые путем толкования права. Право для судьи-активиста — это всегда закон (*jus*), существующий наряду с другими социальными нормами, прежде всего, с моралью.

Проявляемый ЕСПЧ активизм по-разному влияет на последующую практику применения норм о защите прав человека [1, с. 3-4]. С некоторой долей условности можно говорить о слабом (интерпретационным) или сильном (правотворческом) активизме. Примем их за основу анализа феномена Страсбургского активизма.

Сильный активизм проявляется при утверждении судьями ЕСПЧ новой правоприменительной модели. Через особую интерпретацию судьями вопросов факта или толкование норм права появляются новые стандарты отправления правосудия. Один из признаков его проявления — отказ ЕСПЧ мотивировать собственную компетенцию на разрешение спора (или суд попросту игнорирует этот вопрос).

Например, Суд выработал процедуру пилотных постановлений, в рамках которых выявляет повторяющиеся аналогичные нарушения государствами Ев-

ропейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ). ЕСПЧ «замораживает» рассмотрение дел со схожими фактическими обстоятельствами, сообщает о выявленной проблеме государству и устанавливает срок для разрешения системной проблемы в национальном праве. Но данная процедура не предусмотрена учредительными документами Суда или его правилами процедуры. Здесь проявляется самая радикальная (чрезвычайная) форма активизма.

Гораздо чаще Суд демонстрирует слабый активизм, который проявляется в творческой интерпретации конвенционного материального права. При интерпретационном активизме судьи ЕСПЧ выводят новые правила и модели поведения, формируя «мягкое» прецедентное право, развивают их исходя из существующих, известных стандартов. Прецедентное право развивается эволютивно.

Часто на практике провести четкую границу между формами активизма затруднительно. По мнению Мерриллса,

«степень развития права международным судом в основном зависит от того, какая из двух концепций — судебной сдержанности или судебного активизма, принимается судьями при разрешении дела. В большей мере Суд принял активистские позиции в применении Конвенции, однако результат на практике часто противоречив» [12, с. 229].

На сегодняшний день оформилась некоторая напряженность в применимых идеологиях, границы между ними в практике Суда размыты.

Отличительной особенностью формирования активистских позиций ЕСПЧ выступает критика подхода по делу со стороны меньшинства судей, придерживающихся идеологии сдержанности. Практически он проявляется в особых отличающихся мнениях. Впервые, в ходе разбирательства дела «Эйри против Ирландии» 1979 г., Суд постановил, что, хотя п. 1 ст. 6 Конвенции явно этого не предусматривает,

«в ряде случаев по гражданским делам государство может обеспечить адвоката по назначению, когда такая помощь требуется для эффективного доступа к правосудию с учетом сложного характера процедуры по конкретному делу».

В особом мнении судья Вильхьяльмссон заявил, что

«война против бедности не может быть выиграна путем неограниченно широкого толкования и применения Конвенции. Единообразная практика договаривающихся государств, обеспечивающая бесплатного адвоката по назначению по отдельным категориям гражданских дел, отсутствует».

При отсутствии консенсуса среди судей при относительном равенстве активистских и пассивистских позиций возникает судейской диалог, в результате которого принимаются умеренные позиции. По делу «Во против Франции» 2004 г. ЕСПЧ, решая вопрос о распространении ст. 2 ЕКПЧ к регламентации

права на жизнь шестимесячного плода, сослался на отсутствие консенсуса государств. Судьи Муларони и Стражницкая посчитали, что статья применима к делу и была нарушена, поскольку государство-ответчик не предприняло эффективных защитных мер. Судья Рииз заявил, что усмотрения по вопросу применения статьи 2 Конвенции быть не может.

Даже одно особое мнение судьи ЕСПЧ может впоследствии стать поворотным для общеевропейской практики. В деле «Канаев против России» 2006 г. выражена позиция о невозможности для государственных служащих обращаться за защитой нарушенного права со ссылкой на ст. 6 ЕКПЧ, с которой не был согласен А. И. Ковлер. Но уже в деле «Вильхо Эскелинен и другие против Финляндии» 2007 г. большинство судей состава признали за заявителями такую возможность.

Проявление активистских позиций судей ЕСПЧ является результатом их политического усмотрения по отдельным категориям прав человека. Международный судья может руководствоваться «доброжелательным либерализмом» либо стоять на позициях «жесткого консерватизма». Последний тип характеризуется стремлением к сохранению существующих институтов. Позициям суда и отдельных судей здесь свойственны ссылки на устоявшиеся социальные ценности, отдельные исторические факты и традиции. В области морали консерватизм защищает такие ценности, как семью и традиционную нравственность. Подход иллюстрируется делами о публичной демонстрации религиозной символики. Лишь по нескольким делам ЕСПЧ признал незаконным запрет на ее публичную демонстрацию: в деле «Арслан против Турции» 2010 г., где представители религиозной общины были задержаны во время шествия в характерной для группы одежде; и в деле «Хамидович против Боснии» 2017 г., в котором свидетель по уголовному делу отказался снять традиционную символику с головы для дачи показаний. Но даже в таких традиционно национальных сферах постепенно прорастает активизм: дело 2018 г. «Лачири против Бельгии», где ЕСПЧ пришел к выводу, что допрос свидетеля (частной стороны), обличенного в одежду с демонстрацией религиозной символики, потенциально подрывает доверие к системе юстиции; однако не совсем ясно, как это может породить опасения у социума, что их дело не будет рассмотрено объективно.

«Доброжелательный либерализм» основан на идее об ограничении потенциала личности существующими социальными нормами. Как следствие, ЕСПЧ и его судьи вынуждены развивать стандарты для преодоления ограничений, проявляя активистские позиции. Часто на практике провести четкую границу между формами активизма затруднительно. По мнению Мерриллса,

«степень развития права международным судом в основном зависит от того, какая из двух концепций — судебной сдержанности или судебного активизма, принимается судьями при разрешении дела. В большей мере Суд принял активистские позиции в применении Конвенции, однако результат на практике часто противоречив» [4, с. 229].

На сегодняшний день оформилась некоторая напряженность в применимых идеологиях, границы между ними в практике Суда размыты.

Принятие по делу конкретного подхода во многом зависит от состояния и развития практики Суда. Если в какой-то сфере жизни общества развивается прецедентная практика, в которую проникают либеральные ценности, это может активизировать судей-консерваторов, желающих «сломать» либеральный тренд. Судьи — сторонники либерализма могут попасть под влияние приверженцев умеренных (консервативных) позиций, признав большинством голосов, что дальнейший активизм в вопросе не требуется. В результате становление прецедентной практики данного наднационального суда выглядит так, словно он втянут в конфликт идеологий и ценностей — между активизмом и пассивизмом, либерализмом и консерватизмом.

Отметим, что в выступлениях и научных работах связанных с ЕСПЧ лиц — его судей и сотрудников — выражено мнение о том, что суд не является ни активистским, ни пассивистским. Бывший председатель ЕСПЧ Дж. Коста заявил, что суд «непрестанно ищет как бы избежать судейский активизм и не впасть в излишнюю сдержанность» [10, с. 3]. Генеральный адвокат, а затем судья ЕСПЧ (2012-2016 гг.) П. Махони утверждал, что активизм и пассивизм ЕСПЧ являются «важными и взаимодополняющими компонентами непрерывного процесса применения основных конвенционных прав через судебное толкование» [11, с. 78]. По его мнению, взаимодействие компонентов обеспечивает своеобразный баланс конвенционной системы. Критики этой позиции утверждают, что тезис о равновесии между судебным активизмом и пассивизмом внутри ЕСПЧ несостоятелен, поскольку страсбургская практика доказывает, что преимущество получил судейский активизм.

Пролиберальное толкование Конвенции влечет принятие решений, расширяющих границы защиты прав человека и основных свобод. Собственной прецедентной практикой Суд «наполняет» определенную категорию прав человека новыми признаками, снижает число изъятий и исключений для реализуемых правовых институтов, расширяет собственные границы правоприменения. Подход естественен для всей созданной конвенционной системы и в этом контексте ЕСПЧ выступает активистским судом.

Противоположный подход поставил бы под сомнение принципиальную цель деятельности Суда, которой, согласно преамбуле к Конвенции, является защита и развитие прав человека и основных свобод.

Выявлять жесткий активизм на практике затруднительно, поскольку Суд неоднократно представлял свои активистские постановления как обычную интерпретацию Конвенции [2, с. 18-19].

Следует помнить, что специфика страсбургского активизма состоит в весьма большой свободе толкования, которой ЕСПЧ пользуется в рамках системы защиты прав человека. Суд руководствуется общими рамочными нормами Конвенции, в отличие от национальных судов не подчиняется принципу сдержек и противовесов, предполагающему взаимный контроль и баланс исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти.

Как справедливо отмечает де Блуа, ЕСПЧ не осуществляет применение права в рамках развитой конституционной структуры [9, с. 44-45]. В результате суд сам может принять решение о направлении развития практики, а единственным способом корректировки его правоприменительной активности государствами-участниками может стать изменение Конвенции или ее протоколов. Пока государства выработали только один «защитный» механизм от активизма ЕСПЧ (дело «Блохин против России» 2016 г.) в виде отказа в исполнении отдельных решений Суда в рамках процедур национального конституционного контроля. Однако открытым остается вопрос о его правовой природе. На сегодняшний день ясно лишь то, что он не включен в институциональную систему движения дел.

Но он не способствует диалогу и взаимодействию высших национальных и наднациональных судов, что в долгосрочной перспективе может привести к подрыву всей конвенционной системы, успех которой связан с эффективностью реализации ее принципов и норм. В такой ситуации для национальных судов использование практики ЕСПЧ при рассмотрении дел по существу становится затруднительным и порождает боязнь применить активистскую позицию ЕСПЧ, не воспринятую в национальном правоприменении. Проблемой является сложившаяся напряженность в определении стандартов защиты прав, охраняемых Конвенцией, иногда существенно отличающихся между собой в государствах-участниках.

ЕСПЧ часто приписывают роль европейского конституционного суда, поэтому он должен сконцентрироваться на принятии «принципиальных решений», которые относятся, по сути, к вопросам государственной политики [3, с. 10-11]. В этой связи судейский активизм ЕСПЧ должен восприниматься государствами как одна из форм становления и унификации современных стандартов правосудия и в этом ключе имплементироваться в национальное правоприменение.

Заключение

Характерной чертой правоприменительной деятельности ЕСПЧ выступает прогрессивный характер его практики, в спектр которой вовлекаются все новые сферы защиты прав человека. Он неизбежно вторгается в суверенные полномочия и конституционную идентичность государств. Зачастую Суд делает это столь интенсивно, что степень такого воздействия позволяет говорить о чрезмерном активизме его судей. Теоретически возможность формирования собственных правоприменительных подходов обусловлена неоднозначностью, неполнотой норм права или противоречиями между ними. Судьи международного суда вынуждены выявлять действующее позитивное право и проявлять активизм.

Подход судей ЕСПЧ позволяет констатировать утверждение двух основных форм активизма — сильного и слабого активизма, дифференцируемых в зависимости от степени воздействия суда на соответствующую область общественных отношений. Результатом влияния сильного активизма судей состава на

фактический состав дела является выработка и утверждение ЕСПЧ новых правоприменительных моделей. Подход судей ЕСПЧ здесь предельно интенсивен. Он влечет за собой структурные изменения международной прецедентной практики, а также национального правоприменения и законотворчества. Такой эффект достигается за счет особой автономной интерпретации фактов, установленных национальными судами, и системного толкования конвенционных норм, в совокупности обуславливающих появление новых стандартов отправления правосудия. Когда судебный состав творчески толкует конвенционное материальное право, эволютивно развивает собственное прецедентное право, проявляется слабая активистская позиция ЕСПЧ. Это позволяет «мягко» вводить соответствующие стандарты в национальное правоприменение.

Активизм ЕСПЧ должен восприниматься государствами как одна из форм становления и унификации современных стандартов правосудия и в этом ключе имплементироваться в национальное правоприменение. В целом проявление активистских позиций обусловлено особой ролью Европейского суда по правам человека в выработке современных европейских стандартов отправления правосудия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов С. А. Конституционная модель легитимации решений органов международных организаций / С. А. Белов // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 2. С. 1-10.
2. Иваненко А. А. Формы и пределы интерпретационной деятельности Европейского суда по правам человека / А. А. Иваненко // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 4 (29). С. 17-21.
3. Ключников А. Ю. О критериях приемлемости правотворческого решения международного суда / А. Ю. Ключников // Международное уголовное право и международная юстиция. 2020. № 1. С. 8-11.
4. Ключников А. Ю. О легитимности Европейского суда по правам человека / А. Ю. Ключников // Российский судья. 2019. № 3. С. 43-46.
5. Ключников А. Ю. Основные подходы к определению компетенции международными судами / А. Ю. Ключников // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Том 5. № 3 (19). С. 128-143.
6. Коваленко С. И. Эволюционный подход Европейского суда по правам человека к толкованию норм Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод: теоретико-правовые основания / С. И. Коваленко // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2018. № 4. С. 83-93.
7. Тимошина Е. В. Методология судебного толкования: критический анализ реалистического подхода / Е. В. Тимошина // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Том 13. № 1. С. 72-102.
8. Чечулина А. А. Живой инструмент Европейской конвенции: продолжение дискуссии / А. А. Чечулина // Юридическое образование и наука. 2019. № 9. С. 26-32.
9. de Blois M. The fundamental freedom of the European Court of Human Rights / M. de Blois // The Dynamics of the Protection of Human Rights in Europe. Essays in Honour of G. Schermers. Dordrecht; Boston; London. 1994. Vol. III. Pp. 44-45.

10. Costa J. P. 2003. The European Court of Human Rights and its recent case law / J. P. Costa // *Texas International Law Journal*. No. 38. Pp. 455-467.
11. Mahoney P. Judicial activism and judicial self-restraint in the European Court of Human Rights: two sides of the same coin / P. Mahoney // *Human Rights Law Journal*. 1990. No. 11. Pp. 57-88.
12. Merrills J. G. *The Development of International Law by the European Court of Human Rights*. / J. G. Merrills. Manchester, 1995. 235 pp.

Andrew Yu. KLYUCHNIKOV¹

UDC 341.645

**ACTIVISM IDENTIFICATION IN LAW ENFORCEMENT
APPROACHES OF JUDGES OF THE EUROPEAN COURT
OF HUMAN RIGHTS**

¹ Cand. Sci. (Jur.), Judge, Lipetsk Right-bank District Court;
Associate Professor, Department of Constitutional and International Law,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Lipetsk affiliated branch)
andrew19871961@mail.ru

Abstract

The European Court of Human Rights (ECHR) is a unique institution not only in Europe, but in the whole world; it is by far the most effective among all the international human rights courts. Since its foundationing in 1959, it has dealt a huge number of decisions, becoming the most active participant in the international justice. The success of individual appeals, on which the entire Convention system is based, has inevitably led to the involvement of new areas of human rights in the subject of the court's research, and has extended it to a new range of subjects. The Court's systematic expansion of the area (borders) of the protection of human rights and fundamental freedoms, and the involvement of new areas in it due to the progressive nature of the practice, is a positive quality. The rich and diverse Strasbourg practice has changed the political and legal landscape of Europe. This has led to the ECHR becoming a victim of its own success, in some cases invading the sovereign powers of states and affecting their constitutional identity. Among practitioners and researchers of international justice issues, the voices about excessive activism of the Court started appearing more often.

The author of this article studies the factors that contribute to the manifestation of activist positions by judges of the ECHR, identifies forms of activism, and distinguishes them from judicial passivism. The material for the article includes the work of prominent researchers of international justice problems, judges of the ECHR, Russian authors, and the judicial practice

---

Citation: Klyuchnikov A. Yu. 2020. "Activism identification in law enforcement approaches of judges of the european court of human rights". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 6, no. 1 (21), pp. 129-139.
DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-1-129-139

of this supranational court. The author uses traditional research methods — general scientific and special, with an emphasis on the comparative legal method. The subject of the study is the author's scientific concepts that reveal judicial activism through the case-law of the ECHR. The relevance of the work lies in the problem of using the practice of supranational courts in national justice, and the effective application of the developed standards.

Keywords

European Court of Human Rights, ECHR, activism, passivism, judicial practice, precedent, national court, law enforcement, jurisdiction.

DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-1-129-139

REFERENCES

1. Belov S. A. 2018. "The constitutional model of legitimising decisions of the organs of international organisations". *Journal of Constitutional Justice*, no. 2, pp. 1-10. [In Russian]
2. Ivanenko A. A. 2015. "Forms and limits of interpretative activity of the European court of human rights". *Siberian Law Review*, no. 4 (29), pp. 17-21. [In Russian]
3. Klyuchnikov A. Yu. 2020. "On acceptance criteria for law-making decisions of the international court of justice". *International Criminal Law and International Justice*, no. 1, pp. 8-11. [In Russian]
4. Klyuchnikov A. Yu. 2019. "On legitimacy of the European Court of Human Rights". *Russian Judge*, no. 3, pp. 43-46. [In Russian]
5. Klyuchnikov A. Yu. 2019. "The main approaches to the definition of the international courts' competence". *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, vol. 5, no. 3 (19), pp. 128-143. DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-3-128-143 [In Russian]
6. Kovalenko S. I. 2018. "The evolutionary approach of the European Court of Human Rights to the interpretation of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms: theoretical and legal grounds". *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*, no. 4, pp. 83-93. [In Russian]
7. Timoshina E. V. 2018. "Methodology of judicial interpretation: critical analysis of the realistic approach". *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, vol. 13, no. 1, pp. 72-102. [In Russian]
8. Chechulina A. A. 2019. "The living instrument of the European convention: continuation of the discussion". *Juridical Education and Science*, no. 9, pp. 26-32. [In Russian]
9. de Blois M. 1994. "The Fundamental Freedom of the European Court of Human Rights". In: *The Dynamics of the Protection of Human Rights in Europe. Essays in Honour of G. Schermers*. Vol. 3, pp. 41-48. Dordrecht; Boston; London.
10. Costa J. P. "The European Court of Human Rights and its recent case law". *Texas International Law Journal*, no. 38, pp. 455-467.
11. Mahoney P. 1990. "Judicial activism and judicial self-restraint in the European Court of Human Rights: two sides of the same coin". *Human Rights Law Journal*, no. 11, pp. 57-88.
12. Merrills J. G. 1995. *The Development of International Law by the European Court of Human Rights*. Manchester. 235 pp.